

МЕСТО ПЕРЕЖИТОЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

М. С. ДАНИЕЛЯН

Новые подходы к изучению общественного сознания, расширив круг вопросов, относящихся к этой проблеме, значительно углубили наши знания о духовной жизни общества. Уже никто из исследователей в этой области не ограничивается рассуждениями, хотя и принципиально-го, но все-таки общего характера об определяемости сознания бытием, об отставании идей, о роли передовых идей и т. д. Центром внимания исследователей стала т. н. «структура» (точнее — система) общественного сознания, конечно, не сама по себе, а постольку, поскольку исследование соотносительности компонентов общественного сознания позволяет раскрыть содержание таких понятий, как индивидуальное сознание, идеология, психология, обыденное сознание и т. п. Однако ряд вопросов общественного сознания по разным причинам все еще остается за пределами этих новых аспектов изучения, и среди них такая важная проблема, как пережитки прошлого в сознании людей.

Рассмотрение пережитков прошлого в сознании людей как компонента системы общественного сознания на первый взгляд может показаться не вполне правомерным: не лишена основания мысль о том, что «системное» рассмотрение пережитков прошлого в сознании людей это своего рода «выход» из специфической сферы «структуры» общественного сознания. Но если иметь в виду общефилософскую постановку вопроса, то станет очевидным, что такой подход плодотворен и даже необходим, и не только для теоретического изучения пережитков прошлого в сознании людей. Проблемы, связанные с рассмотрением общественного сознания как системы, далеки еще от более или менее исчерпывающего завершения. И поэтому привлечение не очень новых, но забытых вопросов, дальнейшее расширение «системной» проблематики в самых различных направлениях послужит более основательной разработке всей проблематики в целом, и прежде всего тому, чтобы рассмотрение структуры общественного сознания не превратилось со временем в самоцель, а продолжало служить изучению всех тех явлений общественной жизни, которые в том или ином смысле связаны с общественным сознанием.

Конечно же, пережиточные явления, содержащиеся в сознании, это не самостоятельно значимые духовные образования, такие, как например, идеи, воззрения, взгляды и т. п. Они вплетены в общественные отношения, в повседневную жизнь, в быт гораздо теснее, чем, скажем, даже мораль, к сфере которой мы их обычно относим. И, естественно, мы

их не можем рассматривать в том плане, в каком рассматриваем идеологию, формы общественного сознания, общественную психологию и т. д. Пережитки прошлого в сознании людей имеют свой, особый тип соотносительности в структуре общественного сознания. Но прежде чем определять место пережитков прошлого в системе общественного сознания, необходимо четко обозначить тот уровень, на котором в этой связи они должны рассматриваться.

Рассмотрением пережитков прошлого в сознании людей занимается, как известно, конкретная социология. Она не только изучает отдельные их проявления, но и дифференцирует, группирует, систематизирует и на определенном уровне обобщает их. Опираясь на конкретно-социологические исследования, социология должна изучать пережитки прошлого в сознании людей в связи с закономерностями общественного развития, как элемент социально-политической жизни и истории общества. Но вместе с тем встает самостоятельная задача философского исследования пережитков прошлого в сознании людей как особой — идейной, философски-содержательной категории. Правда, при таком подходе категорию эту уже не совсем точно именовать «пережитками прошлого в сознании» людей. Скорее это общефилософская категория «пережиточное в общественном сознании», категория, смысл которой может быть раскрыт при сопоставлении ее с другими элементами структуры общественного сознания.

Излишне повторять, что выяснение места пережитков прошлого (или «пережиточного») в сознании людей в системе общественного сознания не может стать конечной целью познания данного круга явлений. Но не говоря уже о том, что при таком подходе раскрываются реальные, практические связи общественной жизни (и это, конечно, самое значимое при любом теоретическом рассмотрении), именно исследования, которые ведутся на общефилософском уровне в значительной мере оснащают социологические и, тем более, конкретно-социологические подходы и, в конечном счете, всегда наилучшим образом служат практике.

Единство материальной и духовной деятельности. Рождение нового человека, физически и духовно подготовленного к тому, чтобы в полной мере реализовать преимущества социалистического общественно-экономического строя, и есть, в конечном счете, средоточие всех целей и задач, которые ставит перед собой коммунистическое общество.

Новый человек, обретающий, наконец, свое особое, человеческое достоинство и истинное назначение, рождается не по волшебству. Его становление — это исторически закономерный процесс, чрезвычайно сложный, прежде всего потому, что он может протекать успешно лишь при условии разумной перестройки и усовершенствования всех важнейших сторон жизни общества, строящего коммунизм, и при взаимодействии всех факторов, функционирующих в нем. В числе этих факторов — и конкретная форма общественно-экономических отношений, и все уровни

и формы общественного сознания, и различные общественные институты, через посредство которых осуществляется взаимодействие экономической и духовной сфер общества. Это взаимодействие и выступает как революционная практика, охватывающая и соединяющая «изменение обстоятельств и человеческой деятельности»¹, в процессе которой совершается формирование человеческой личности.

Социалистический способ производства сам по себе не может, да и не призван разрешить все проблемы психологического, морального, интеллектуального и даже экономического характера, на каждом шагу встающие перед людьми и обществом. Люди живут в конкретной среде, а не в обществе «вообще», и в то же время каждый человек живет в большом мире, в «обобществленном человечестве», которое имеет многовековую — естественную и человеческую — историю своего развития. Поэтому каждый человек — как в процессе формирования своей личности, так и во всей своей деятельности — испытывает бесчисленное множество воздействий общей и непосредственной социальной среды. Совокупность этих воздействий по отношению к каждой личности качественно своеобразна, неповторима, индивидуальна. И хотя эти воздействия невозможно пронумеровать и точно сопоставить, они явно или незаметно участвуют в формировании сознания и поведения личности.

Однако, сколь ни различны по своему характеру задачи, стоящие перед обществом в его материальной и духовной сфере, между ними нет абсолютного противопоставления: в центре внимания коммунистического общества человек — производитель и преобразователь, интеллектуальная и нравственная личность, человек, единый в своей деятельности, реализующей его различные способности и удовлетворяющей его потребности. Речь идет о подлинной разносторонности человека, т. е. не только о производительной силе его труда, но и о том, каким сознанием и волей, интеллектом и нравственными принципами должен обладать человек, чтобы стать хозяином своей судьбы.

Человеческое общество, осуществляя одну из своих важнейших функций — функцию производства материальных благ, развиваясь и совершенствуясь, породило множество потребностей интеллектуального порядка, и духовная сфера жизни общества не просто расширилась, но и приобрела прогрессирующую самостоятельность. Интенсивная духовная жизнь общества имеет непререкаемое значение и опосредованно, в качестве важнейшего фактора, воздействующего на общественное производство, и сама по себе, как особо и специфически развивающееся духовное начало (потребности, чувства, идеи и т. п.). Неразумно и невозможно во всех случаях пытаться непосредственно связать духовное с материальным, например — такое «ценностное» чувство, как любовь к прекрасному и повышение производительности труда. Но с достаточной уверенностью можно утверждать, что любовь к прекрасному является

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1955, т. II, стр. 384.

естественной потребностью нормально развивающейся личности, что это чувство обогащает и очищает человека, придает ему жизненные силы и, вместе с тем делает его настроенным и способным с большей отдачей и наслаждением трудиться на том поприще, где его способности и энтузиазм находят наиболее полное применение.

Этой самостоятельной значимостью духовной жизни и ее своеобразным воздействием на материальную сферу и объясняется активный интерес к сознанию, чувствам, нравственности человека, т. е. ко всему тому, что отличает его от самого высокоорганизованного, но неразумного животного, и от наиразумнейшей, но кибернетической машины. Этот интерес закономерен и жизненно необходим для социалистического общества, ибо именно оно, это общество, должно справиться с труднейшей задачей очищения человека от всяческой скверны, насланявавшейся веками существования частнособственнических формаций, и обобщения в новом человеке всего прогрессивного, истинно человеческого, что накоплено им в единоборстве с природой и социально-экономическим злом.

Но в трудной борьбе за человека общество сталкивается с опасной инерционной силой, которая выступает в облики пережитков прошлого в сознании людей.

Основной закон развития общества и относительная самостоятельность развития общественного сознания. Само этимологическое содержание слова «пережитки» означает, что речь идет о явлениях, переживших условия своего существования. Под пережитками прошлого в сознании людей мы понимаем вполне конкретные общественные явления, пережившие условия своего возникновения и общественно-оправданного существования.

Факт существования пережиточных явлений в истории человечества известен и подтвержден исследованиями и историков, и социологов, и философов, и это независимо от того, как назывались пережитки: предрассудками, дурными традициями, отсталостью или консерватизмом. И хотя теоретическая интерпретация пережитков прошлого в сознании людей может быть различной, раскрытие истинных закономерностей их существования, более строгое выделение их из подобного рода явлений и открытие практически осуществимых путей их преодоления является заслугой марксистско-ленинской теории исторического материализма.

Наличие пережитков прошлого в сознании людей явление исторически закономерное. Это одна из частных общественных закономерностей, связанных с основным законом общественного развития, определяемости общественного сознания общественным бытием.

Марксистско-ленинское решение основного вопроса общественнознания основано, как известно, на констатации того очевидного факта, что «люди, в первую очередь, должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»². Само собой разумеется, что констатацией этого

² Там же, стр. 157.

факта вовсе не исчерпывается содержание основного закона общественного развития, открытого К. Марксом. Ведь для того, чтобы есть и пить, одеваться и иметь жилище, люди должны трудиться, чтобы создавать предметы и средства для удовлетворения этих потребностей. В процессе производства — на базе тех отношений, которые складываются между людьми, — рождается и развивается то специфическое, что отличает человека от всех прочих эволюционно-предшествующих ему биологических видов. Человек уже не может есть и пить так, как это делали его прародители, он чем дальше, тем все больше действует «по-человечески». Даже тогда, когда речь идет о том, чтобы «добыть» и использовать пищу или одежду, он это делает не в стихийном столкновении с природой, а при посредстве определенных «механизмов», учрежденных обществом и с сознанием исторически определенного, социального существа. Взгляд на общественное сознание как на самостоятельно значимый в определенном смысле фактор в жизни общества органически входит в марксистскую концепцию развития общества. Но как ни странно, этот важнейший тезис марксистской философии при конкретном рассмотрении вопросов нередко приобретает декларативный характер в качестве «спасительного» дополнения к вульгарноматериалистической схеме соотношения бытия и сознания, где сознанию с самого начала отведено второстепенное, «второсортное» место.

Подтверждением не иллюзорной, а действительной самостоятельности развития духовного служит, как известно, преемственность духовного в историческом процессе, без которой по существу немыслима сама идея развития общественного сознания.

Можно считать исторически подтвержденным тот факт, что изменение общественного бытия не приводит к разрушению и уничтожению всего интеллектуального, духовного, нравственного, психологического и прочего материала, который накоплен в исторически определенных условиях той или иной общественно-экономической формации. И, более того, определенные духовные, эстетические, нравственные идеи и ценности — это, конечно, не просто и не всегда исторические реликвии положительного или отрицательного свойства. В определенной, конкретно исторической ситуации возникает потребность в том, чтобы они, несмотря на изменение идеологического содержания, вновь функционировали в общественной жизни, хотя и в новом качестве. Именно такой преемственностью можно объяснить, в частности, сохранение и «передачу» от формации к формации, от класса к классу не только положительных знаний, но и различно интерпретированных идей, верований, норм, традиций и т. д.

Самостоятельность развития общественного сознания не исчерпывается, однако, преемственностью. В действительности эта самостоятельность оказывается гораздо более независимой и значимой.

Относительная самостоятельность развития общественного сознания заключается в том, что уже с первых шагов развития материальной

производственной деятельности человека из нее постепенно выделяется и с течением времени все более обособляется особая, духовная, мыслительная, психологическая деятельность, отличная от собственно материальной, и, соответственно, возникает и развивается отличная от материальной особая духовная потребность³. Само собой разумеется, что и при своем возникновении и в процессе развития эта духовная потребность (так же, как и духовная деятельность) в конечном счете определяется материальной жизнью общества. Но сколь ни координируется эта сторона человеческого существования с собственно материальной, сколь ни соответствуют духовные потребности материальным, тем не менее в развитии духовной, интеллектуальной деятельности вырабатываются свои специфические закономерности, которые определяют и характеризуют относительную самостоятельность развития общественно-го сознания.

Эти специфические закономерности сложны и многообразны. И сложность эта усугубляется тем, что общественное сознание уже само по себе является чрезвычайно сложной структурой, в которой взаимодействуют в различных отношениях и на разных уровнях его различные компоненты.

Самостоятельность общественного сознания проявляется не только в особенностях взаимодействия его различных компонентов, но и в специфических закономерностях, присущих всем его проявлениям (обыденное сознание, моральное сознание, «отстающее» сознание, идеология, социальная психология и т. д.).

В особенности это относится к формам общественного сознания. Каждую из них характеризует ей одной внутренне присущие противоречия и для нее одной приемлемые методы их разрешения, т. е. особая, специфическая, своя «диалектика»⁴. В этом и сказывается относительная самостоятельность форм общественного сознания и по отношению к общественному бытию и одной формы по отношению к другой. Сложность всех этих переплетений и означает, что однозначного, непосредственного соответствия общественного сознания общественному бытию не существует.

В связи с этим возникает, и теоретически и практически, очень важный вопрос о характере «механизмов», закрепляющих и передающих содержание общественного сознания. Вопрос этот не только интересный, но и чрезвычайно сложный, выходящий за рамки какой бы то ни было умозрительности.

Конечно, способы и средства закрепления и передачи содержания общественного сознания в определенной степени таятся в психологичес-

³ На этих же путях возникает проблема «отчуждения», которую, однако, характеризует особый аспект и которая, естественно, требует особого и специального рассмотрения.

⁴ Для пояснения достаточно сравнить самое элементарное: конфликт в праве и конфликт в искусстве.

кой, эмоциональной и даже логической сферах человеческого сознания. Но интеллектуальность, точнее духовность человека, это лишь одна, и притом не самая главная сфера, способствующая сохранению или преемствованию идей, взглядов, эмоций и т. д. Тенденции сознания к самостоятельному развитию реализуются через социальные «механизмы», через определенные «институты», в той или иной форме закрепляющие и сохраняющие процессы и результаты духовной деятельности человека. Институты эти чрезвычайно разнопорядковы и охватить их какой-либо областью невозможно. Это все то, что «объективирует» и «опредмечивает» духовную деятельность: книги и музыка, нравы и обычаи, учреждения и законы, социальная или национальная среда, школа и т. д. и т. п. Власть этих институтов, хотя и точно не определена, но тем не менее достаточно очевидна: пока идеи « витают в воздухе », они еще не становятся социально-значимой силой — революционной или консервативной, — и тем более они не могут сохраняться и передаваться. Только «материализуясь», т. е. выражаясь в общественно-значимой форме, они начинают свою деятельную жизнь, в которой их столь же трудно закрепить, как и разрушить.

Пережитки прошлого в сознании людей и есть прямое следствие этого закономерного несоответствия: только в силу относительной самостоятельности развития те или иные элементы общественного сознания могут «отставать» (или «опережать») и тем самым полностью или частично не соответствовать господствующему способу производства материальных благ или уровню развития знания данного общества. В общественном сознании передаются, сохраняются не только позитивные знания и положительные «общечеловеческие ценности», но и отрицательные — отжившие вообще (в плане знания) или ставшие для настоящего социально вредными — идеи, взгляды, нравы и т. д.

Вместе с тем очевидно, что существование пережиточных явлений — это только возможность, вытекающая из особенностей развития общественного сознания. И реализуется эта возможность лишь в связи со специфическими обстоятельствами и условиями социального развития. Наличие, «действительность» тех или иных пережитков прошлого в сознании людей — это результат данного, конкретного взаимодействия различных факторов — как экономических, общественно-политических, так и духовных. Среди этих факторов, как известно, — нравственные идеи прошлого, традиционные для данного народа, его эстетическое, правовое, политическое и т. д. наследие, историческое прошлое. Особая роль в превращении «возможности» пережитков в «действительность» принадлежит способам и средствам консервации духовного материала и, прежде всего, социальным институтам, сохранившимся от прошлого и органически вошедшим в общественно-политическую и экономическую жизнь настоящего. Так, например, отчасти сохранившиеся на Востоке традиционные обычаи умыкания невест, выкупа и т. п. в некоторой степени могут способствовать существованию неравноправного отношения

к женщине. Явление институализации,— так же, как и те или иные конкретные условия и обстоятельства,— конечно, не превращает возможность пережитков прошлого в фатальную неизбежность: этому противостоят потенциальные и актуальные возможности высшего по типу общественно-экономического строя. Последовательная реализация экономических и социальных преимуществ новой формации служит реальным основанием для жизненно необходимого преодоления инерционной силы пережиточного в сознании.

«Отстающее» сознание. Рассмотрение пережитков прошлого в сознании людей как элемента сознания, отстающего от общественного бытия, когда-то являлось прочной традицией нашей философской литературы. Хотя эта традиция и имела положительное содержание, все же она, как и всякая традиция, препятствовала непредубежденному взгляду на этот вопрос. Видимо, настало уже время взглянуть на это определение по-новому, чтобы попытаться с большей точностью раскрыть содержащийся в нем смысл.

Верно, конечно, что пережиточные явления — это отстающее, скорее отставшее сознание, но столь же верно, что отнесение пережитков к отставшему сознанию еще в очень недостаточной мере определяет их сущность. Без серьезных научных определений очевидно, что не всякое «отстающее» сознание «пережиточно» в том смысле, который мы интуитивно вкладываем в это понятие: отстающее сознание не во всех случаях выступает как консервативная сила, слепо довлеющая над обществом. В этой связи встает вопрос о том, какая именно характеристика сознания имеется в виду, когда мы говорим об отстающем сознании применительно к пережиточным явлениям в сознании людей.

Общественное сознание можно разделить на три компонента: сознание, соответствующее состоянию общества, сознание его опережающее и, наконец, сознание отстающее. Несколько расширяя (но не изменяя по существу) общезвестную мысль Энгельса, можно сказать, что общественное сознание способно выражать не только прошлое и настоящее состояние общества, но в какой-то степени и его будущее. Такой «разрез» деления общественного сознания очень условен, хотя бы потому, что прошедшее, настоящее и будущее даже в воображении трудно отграничить друг от друга. К тому же то, что человечество в своей духовной и материальной жизни имеет прошедшее, настоящее и будущее, слишком элементарная истина для того, чтобы делать ее предметом научного рассмотрения.

И, очевидно, не временные характеристики сами по себе интересуют нас, когда мы характеризуем сознание как «отсталое» или как «передовое». Мало приближает к решению этого вопроса констатация фактов и утверждения общего характера: конечно же, произведение искусства, высоко ценимое в свою эпоху, со временем в какой-то мере «отстает» от новых идейно-художественных или поэтико-эстетических требований, а научные открытия прошлого приводят к новым, их отрицающим. Но

правда и то, что закон преемственности бережно сохраняет для человечества все добытые им духовные ценности в том виде, в каком они этого заслуживают: и полотна великих мастеров, всегда изумляющие своим совершенством, и научные открытия, ставшие лишь ступенькой к новым, современным, и общественно-политические идеи, бывшие когда-то грезой, утопией и только со временем обретающие плоть и кровь.

Однако, как ни важен и ни интересен анализ познавательной стороны общественного сознания, он не дает еще тех специфически-ценностных характеристик, которые необходимы для определения вышеупомянутых компонентов общественного сознания. Такие познавательные культурные ценности «сами по себе» не становятся пережиточными лишь на том основании, что они создавались в прошлом. И поэтому только подход с точки зрения социальных (классовых) интересов позволяет найти эту своеобразную характеристику и через нее определить пережитки прошлого в сознании людей как социальную категорию.

Одна из своеобразных особенностей общественного развития вообще и общественного сознания в частности заключается в том, что люди не могут относиться безразлично не только к своему настоящему, но и к своему прошлому. Из духовного наследия прошлого общество (класс, группа) особенно превозносит все то, что служит им в сегодняшней жизни и, наоборот, ополчается против всего того, что мешает им жить в соответствии со своими интересами. И когда мы говорим об отжившем, отставшем сознании, мы имеем в виду не познание в прошлом тех или иных истин, или глубину постижения прекрасного и даже не идеологическое отношение к факту, истине или к прекрасному в свое время, а отношение и к тому и другому с точки зрения сегодняшних общественных интересов определенных групп, классов или общества. Это, конечно, также ценностная характеристика, но она связана, во-первых, с идеологической стороной общественного сознания вообще и, во-вторых, — с идеологической переоценкой ценностей прошлого. Деление общественного сознания на вышеозначенные компоненты основано, таким образом, на учете идеологических характеристик общественного сознания и, возможно, благодаря тому, что оно способно выражать не только интересы противоборствующих сил настоящего, но и их отношение к наследию прошлого и, естественно, к тому, что предстоит в будущем.

Здесь, как и при любом рассмотрении общественного сознания, нет разрыва между идеологической и познавательной сторонами ни в самих явлениях духовной жизни в прошлом, ни в отношении к ним, как к ценностям, приемлемым или отвергаемым настоящим. И, несмотря на факт идеологической относительности, их полезность или вредность определяется не субъективно, а на основе объективных критериев, т. е. в зависимости от того, в каком отношении к общественному прогрессу находится тот класс, в интересах которого переоцениваются эти ценности. Передовой класс, переоценивая идеологические ценности, сохраняет все передовое и в этой специфически-идеологической сфере — закон преемствен-

ности здесь, как и везде, непререкаем. Но специфической преемственностью в этой сфере является то, что идеология отживших классов в какой-то своей части не теряет своей актуальности. «Скверной прошлого» (Маркс) она отягчает сознание людей и становится враждебной силой на пути дальнейшего прогресса человечества.

Пережитки прошлого в сознании людей являются теми самыми «родимыми пятнами» прошлого, к которым в полной мере относится идеологически ценностная характеристика отставшего компонента общественного сознания. Это не просто сознание вчерашнего дня, идеологически нейтральное, а те его элементы и проявления, которые враждебны интересам господствующего класса, ведущим интересам общества, эпохи. Поэтому, методологически определяя пережиточное в сознании, мы прежде всего выделяем такую идеологически ценностную объективно обоснованную характеристику, как вредность, враждебность отставшего сознания интересам того класса, который на данном этапе развития общества возглавляет общественный прогресс: все общественно-вредные явления мы считаем «пережиточными», вкладывая характеристику «вредное» уже в само понятие «пережиточное».

Утверждая идеологически ценностную характеристику пережитков прошлого в сознании людей, следует иметь в виду особенности выражения идеологии в этом явлении. Очевидно, что вряд ли можно в том или ином элементе общественного сознания найти рафинированное выражение идеологии. Идею выражение интересов класса, — в систематизированной, обобщенно-концентрированной форме, — это результат научно-теоретической деятельности идеологов, благодаря которой идеология, как компонент общественного сознания, становится со временем научным знанием. В реальном же состоянии общественного сознания идеология в той или иной степени проникает во все элементы, уровни, сферы духовной деятельности людей, в его сознание, волю, эмоции и побуждения. Совершенно очевидно, что идеологическое начало, хотя и выражено в пережитках прошлого очень определенно, но отнюдь не специально, а опосредованно и своеобразно. Тогда тем более очевидно, что определение пережиточного как сознания, отстающего идеологически и вредного практически, не есть определение исчерпывающее. Оно все еще не отвечает на один из важнейших — теоретически и практически — вопросов этой проблемы, на вопрос о том, в каком переплетении, узле такого сложнейшего образования, каким является общественное сознание, обретается это специфически-ценностное отстающее сознание — пережитки прошлого в сознании людей.

Традиции, нравы, обычаи, привычки, чувства, настроения... Мы уже отмечали, что с того времени, как проблема структуры общественного сознания вновь стала одной из центральных в историческом материализме, вопрос о пережитках прошлого в сознании людей почему-то перестал в должной мере интересовать исследователей. Пережитки прошлого в сознании людей не составляют, конечно, особого уровня, формы и

т. д. и т. п., но лишь всесторонний подход к изучению общественного сознания, как к диалектически целому, позволяет найти то самое переплетение, о котором шла речь выше.

Пережитки прошлого в сознании людей соотносятся с формами общественного сознания лишь в той мере, в какой специфика той или иной формы допускает идеологически ценностное осмысление. Поэтому рассматривать в плане пережиточных явлений такую форму общественного сознания, как наука, и вовсе бессмысленно: вчерашний день науки это прошлое, но не пережиточное. С другой стороны, если и признавать существование положительных ценностей в религии, то это ни в какой степени не характерно для религиозного сознания, которое и это положительное преподносит в извращенном, искаженном виде.

Отнесение пережитков к сфере нравственного также не проясняет в достаточной степени теоретических горизонтов, хотя их характеристика безусловно связана с благостностью и вредностью человеческого поведения, вытекающего из решения вопроса о соотношении личных и общественных интересов. У пережитков не только «своя», особая, выходящая за рамки собственно сознания сфера функционирования, но и «свой» способ консервации, передачи и возрождения духовного, идейного наследия прошлого. Пережитки прошлого тесно и органически связаны с той, на первый взгляд, научно неуловимой, но в действительности весьма определенной сферой, которая простирается от традиций и нравов, обычаев и привычек до вкусов и предупреждений, «черт» характера и «свойств» натуры людей. Это и отличает пережиточное от всех прочих проявлений общественного сознания — в одном отношении, и в другом — от основных компонентов, характеризующих нравственность как форму общественного сознания. Нравы, традиции, обычаи и привычки, в наибольшей степени связанные с пережитками прошлого, нельзя целиком отнести к области морали. С точки зрения совпадения их с той или иной формой общественного сознания они выступают скорее в «комплексном», чем в «чистом» виде.

Такое ограничение сферы проявления пережитков не означает, конечно, что все, что относится к этой сфере, уже в силу этого пережиточно. Это становится ясным при сопоставлении пережитков с нравами, традициями, обычаями и т. д.

Традиции, привычки, обычаи внешне выглядят в социальном смысле совершенно безобидными. Они передаются из поколения в поколение, не содержа в себе как будто какого-либо идеологического значения. Выдержавшие «проверку временем» и окруженные ореолом авторитета предков некоторые традиции, бережно сохраняясь благородными потомками, нередко становятся предметом их почитания и гордости. Обычаи и привычки прочно входят в быт, и в некоторых случаях против утверждений «так уж повелось» или «мы к этому привыкли» трудно найти достаточно веские возражения. Иногда их и вовсе не надо искать: традиции, привычки, обычаи нужны, а при иных обстоятельствах просто

необходимы для человечества, для народов. Это — и средство самоутверждения и связи поколений, это — и украшение жизни, ее определенный ритм, с ними испокон веков связаны многие истинно человеческие мысли, чувства и настроения.

Но вместе с этой положительной стороной традиции и обычаи имеют еще и консервативную сторону, в силу которой все их положительные свойства превращаются в отрицательные, противостоящие настоящему и будущему. И когда традиции мертвой хваткой тянут в прошлое живых, сказывается их вредная инерционная сила. Скрытая до сих пор способность традиций и нравов выражать общественные интересы людей проявляется настойчиво и определенно: некогда необходимые и в идеологическом отношении безразличные, превращаясь в пережитки прошлого в сознании людей, они долго не теряют обаяния своей привычности. Именно в силу этого они превращаются в «обыденное», но грозное в своей обыденности идеологическое оружие.

Сопоставление с традициями и т. п., обнаруживая различия, вместе с тем с наибольшей очевидностью характеризует пережитки еще в одном, очень важном для их определения, отношении: пережитки прошлого в сознании людей носят не идейно-рациональный, а традиционно-эмоциональный характер и, следовательно, они должны рассматриваться не в высшем, систематизированном, литературно оформленном, а в обыденном уровне общественного сознания.

Пережитки прошлого в сознании людей — одно из проявлений обыденного сознания. Обыденный уровень общественного сознания в отличие от систематизированного, литературно выраженного (или как его не совсем точно называют — теоретического) уровня есть «практическое» сознание, связанное с общественной психологией и способное поэтому активной и непосредственной использовать эмоциональность для выражения интересов и потребностей людей. Как это ни парадоксально, но именно в «эмоциональности» и «практичности» коренится особая сила идеологического воздействия обыденного сознания.

Полобное утверждение не следует, конечно, воспринимать как недооценку значимости высшего, систематизированного уровня общественного сознания. Роль этого уровня общественного сознания непререкаема, и совершенно справедливо воздействию идей, принципов, взглядов, теорий, учений и т. д. на общественное бытие отводится первостепенное место. Но при этом роль обыденного сознания до такой степени отодвигается на второй план, что по существу ускользает от внимания исследователей. И, может быть, в этом одна из причин того, что вопрос о преодолении пережитков прошлого в сознании людей рассматривается вне вопроса о взаимодействии двух уровней общественного сознания.

Соотношение двух уровней общественного сознания носит совершенно конкретный характер, определяемый многими факторами, — материальными и интеллектуальными, — макро- и микрообщественной среды, но тем не менее диапазон этого соотношения общезвестен: он прости-

рается от более или менее полного соответствия этих двух уровней до их крайней противоположности, причем если можно представить в индивидуальном сознании отсутствие высшего научного уровня, то в сознании любого представителя интеллигенции обязательно можно различить обыденный уровень общественного сознания. В самом деле: в любом индивидуальном сознании имеется обыденный, практический его уровень: ведь каждый человек имеет свои мнения и представления по всем жизненным вопросам и, следовательно, «во всех формах» общественного сознания, но не обязательно на высшем, систематизированном их уровне. Следовательно, вопрос заключается не в недооценке того или иного уровня общественного сознания, а в том, каково действительное соотношение этих уровней у данной личности, группы, класса, общества и в какой степени личность, группа, класс способны овладевать высшим, систематизированным, зрелым сознанием и «переводить» его в обыденное, т. е. претворять его в каждодневной деятельности.

Собственно на этих путях возникают и проявляются общезвестные социальные противоречия между словом и делом, мировоззрением и методом. Это также один из стыков, на котором в каждом сознании (в зависимости от степени ее интеллектуальности) возникает рефлексия, неудовлетворенность и прочие сложные противоречия психической жизни индивида, которые, несмотря на старания физиологов, медиков и психологов, могут быть оценены и «излечены» лишь в связи с социальным анализом общественного сознания.

Два уровня сознания и задачи коммунистического воспитания. Из рассмотрения только некоторых сторон проблемы соотношения обыденного и систематизированного уровней общественного сознания уже явствует, что достаточно пренебречь хотя бы одним из его многочисленных аспектов, чтобы отвлечься от человека, какой он есть в действительности. Обычно на практике этого и не бывает: каждое общество, естественно сложившееся и исторически развивающееся, с тем или иным успехом, с осознанием действительных целей своей деятельности или без него, использует все уровни общественного сознания для того, чтобы воздействовать на мировоззрение людей в желаемом направлении.

В социалистическом обществе задача приведения в соответствие этих двух уровней осложняется не только необходимостью осознанного их преодоления, но и вследствие своего нового содержания. Социализм — это тот период в жизни человечества, когда должны быть преодолены пережитки прошлого, в самой своей основе противоположного настоящему, т. е. те самые пережитки, которые содержат веками укоренившиеся взгляды и нормы, принципиально не совместимые с социализмом, а тем более с коммунизмом. Но совершенно очевидно, что эти закрепившиеся в обыденном сознании пережитки можно преодолеть лишь в целенаправленной, очень трудной и упорной борьбе.

Существенно отличен также и характер самой задачи, стоящей в связи с этим перед социалистическим обществом. Социалистическому

обществу необходимо приблизить сознание каждого до научного мировоззрения, но и более того: необходимо найти те сложные рациональные и эмоциональные «приводы» и «проводники», которые сделали бы это научное мировоззрение сознанием обыденного уровня, практически действующим сознанием каждого дня. Речь, конечно, идет не о ликвидации обыденного сознания, а о преодолении противоположности между двумя уровнями общественного сознания с тем, чтобы обыденное сознание, оставаясь самим собой, перестало быть «гнездилищем» пережитков прошлого в сознании людей. Изыскание и реализация этих средств является предметом повседневной неустанной заботы Коммунистической партии и Советского правительства.

Само собой разумеется, что для того, чтобы преодолеть это противоречие, необходимо в первую очередь разрабатывать и формировать общественное сознание в высших его формах: накопление знаний, идейное воспитание, выработка убежденности на основе теоретической или практической доказательности тех или иных идей, принципов и взглядов — без всего этого немыслимо коммунистическое воспитание. Но, вероятно, следует вновь повторить, что пережитки прошлого это отнюдь не систематизированные нравственные и религиозные учения, обобщенные и литературно выраженные типы морали, рационально обоснованные и логически доказанные принципы, теории и т. д. Поэтому-то для практической борьбы с ними гораздо важнее и уметь «спуститься» с теоретических, рационалистических высот; точнее, вооружившись теорией, надо добраться до «души» человека, до его психики, чувств и настроений, войти в его «плоть и кровь» с тем, чтобы их переделать. Ведь с отрицательной традиционностью, с эмоциональной консервативностью куда труднее бороться, чем с рационально аргументированными научными взглядами и теориями, которым, во всяком случае, можно противопоставить теоретические и логические доказательства, а также научно интерпретированные факты в том случае, когда они имеются.

При всем этом надо, однако, иметь в виду, что целью борьбы являются тем не менее определенные идеологические (идейные) явления, выраженные и законсервированные в формах обыденного общественного сознания, которые в этом своеобразном — и следовательно, трудно преодолимом — виде могут проникнуть и в систематизированное сознание, и не только в мораль, но и в искусство, политику, право, и т. д.

В связи со всей сложностью, обнаруживающейся при первом же знакомстве с проблемой взаимопроникновения двух уровней общественного сознания, а также различных сфер человеческой деятельности (рациональной и эмоциональной), трудно согласиться с основной проблематикой некоторых дискуссий, связанных с вопросами коммунистического воспитания. Что главное — эмоциональный «настрой» или рационалистическая (теоретико-логическая и практическая) доказательность, что важнее — воспитание привычек повиновения или убежденности? Эти споры, восходящие, может быть, к кантовскому антиномийному противо-

поставлению «моральности» и «нравственности», казалось бы, давно уже пора разрешить на основе диалектической теории и социалистической практики. Коммунистическое воспитание — это сочетание всех форм воздействия на все проявления личности, это воспитание и чувств, и воли, и разума, связанных воедино в том, что А. С. Макаренко называет «нравственной ориентировкой». Эта задача выходит, конечно, за рамки воздействия на ту или иную личность или группу личностей. В массовом масштабе и последовательно она может быть разрешима лишь при условии, если созданы общественные предпосылки для гармонического развития личности, т. е. когда преодолен разрыв между словом и делом и, соответственно, между чувствами и разумом людей.

Определение пережиточного в сознании людей. Рассмотрение, даже далеко неполное, взаимопроникновенности форм, компонентов, уровней и т. д. общественного сознания в связи с анализом пережитков прошлого в сознании людей еще раз возвращает к мысли о характере структуры (системы) общественного сознания: систематизация общественного сознания в высшей степени условна и понятие ее структуры, как это не раз подчеркивалось, принципиально отлично от понимания структуры, например, в формально-логическом или структурно-лингвистическом смысле этого слова.

Тем не менее, лишь в результате выяснения соотношения компонентов этой системы можно обнаружить тот их стык, в котором гнездится пережиточное в сознании людей и выделить важнейшие характеристики этого явления. Перечисление этих основных характеристик, сведение их воедино и составляет определение — конечно, не столь богатое, как само явление — пережитков прошлого в сознании людей.

Это определение, естественно, не является самоцелью. Важен и георетически значим сам его поиск, в процессе которого раскрываются стороны исследуемого явления, а при определенном подходе — характер его связи с практикой, исходя из которого можно разработать и общие практические рекомендации. Строго говоря, в этом и основной смысл всякой, в том числе и данной научной дефиниции: выясняя место пережиточного в системе общественного сознания, мы тем самым даем его определение.

Пережиточное в сознании людей — это специфически выраженные явления общественного сознания, пережившие условия своего исторически оправданного существования, но тем не менее сохранившиеся в силу определенных закономерностей общественного развития. Это те идеологически переоцененные проявления «отставшего» сознания, которые враждебны интересам настоящего, объективным потребностям общественного прогресса. Их отрицательное воздействие на общественную жизнь весьма действенно. И хотя их преодоление одно из жизненно важных требований развивающегося общественно-экономического строя, борьба с ними особенно затруднена, так как гнездятся они в обыденном сознании и связаны со сложным комплексом не только понятий, чувств,

эмоции, обычаев и привычек человека, но определенных социальных институтов, консервирующих их и передающих от формации к формации.

При всей своей трудности и сложности эта задача успешно решается в условиях социалистического общества на путях его развития к коммунизму.

ՎԵՐԱՊՐՈՒԿԱՅԻՆ ԵՐԵՎՈՒՅԹՆԵՐԻ ՏԵՂԸ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ

Մ. Ս. ԳԱՆԵԼՅԱՆ

(Ա Մ Փ Ձ Փ Ձ Վ)

Հեղինակը վերապրուկային երևույթներ է համարում հասարակական գիտակցության այն դրսևորումները, որոնք պահպանվել են իրենց պատմականորեն արտարացված դրույթյան շրջանակներից դուրս, բայց ոչ պատահականորեն, այլ շտորհիվ հասարակական դարդացման որոշակի օրինաչափությունների: Ուստի դրանք, խորթ լինելով արդիականությանը, հասարակական առաջադիմության պահանջմունքներին, իրենցից ներկայացնում են «ետ մնացած» գիտակցության դրսևորումներ, որոնք դադարաբանական վերադնաճարման են ենթարկվում:

Վերապրուկային երևույթները համադրելով հասարակական գիտակցության մյուս րադադրամասերի հետ, հեղինակը գտնում է, որ դրանք իրենց արմատներն ունեն նրա սոցիալական, այլ ոչ թե սիստեմավորված մակարդակի մեջ և նապված են հասարակական ինստիտուտների գոյության հետ: Ուստի և մարդկանց գիտակցության մեջ վերապրուկների հաղթահարումն առանձնապես դժվար է:

Մեր երկրում իրագործվող կոմունիստական դաստիարակությունը նպատակ ունի հետևողականորեն հաղթահարել այդ խորթ զաղափարական ուժերը՝ սրպես լուրջ խոչընդոտներ կոմունիստական շինարարության ճանապարհին: